

Антонина Шелемова

«Биография души» поэта: Александр Пушкин и Максим Богданович

Резюме

Стихотворения Максима Богдановича рассматриваются в контексте пушкинской традиции, утвердившей принципы лирического самовыявления личности в художественном творчестве. В аспекте интертекстуального анализа исследуются произведения гражданской, пейзажной, любовной тематики.

Summary

Maxim Bogdanovich's verse on the poet and poetry is studied in the context of Pushkin's tradition, which settled the principles of lyric selfrealization of the individual in creative activity. In the aspect of intertextual analyses of works on landscape, civil and love topics are analyzed.

Streszczenie

Wiersze Maksyma Bogdanowicza rozpatrywane są w kontekście tradycji puszkinowskiej, która ugruntowała zasady lirycznego określenia osobowości w twórczości artystycznej. W aspekcie analizy intertekstualnej badane są utwory o tematyce obywatelskiej, pejzażowej i miłosnej.

Тема «биографии души» – взаимоотношения творческой личности и реальной жизни, судьбы поэта в социальном мире, творческого вдохновения – одна из стержневых в лирике Александра Пушкина. Эта тема раскрывается многогранно и всесторонне в гражданских, философских, пейзажных и интимных стихотворениях. Осмыслением своей роли, своего вклада в отечественную литературу стало стихотворение Пушкина «Памятник». Есть «высшая смелость» в поэтическом «ваянии» себе «памятника нерукотворного»: в той смелой оценке – вслед за легендарным Горацием и великими соотечественниками Михаилом Ломоносовым и Гаврилой Державиным – главного дела своей жизни; смелом пророчестве: *и славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит*.

Из допушкинских «Памятников» предстают во всём величии певцы «державы и державности», декларирующие концепцию поэта как личности социальной. Пушкин решает эту проблему принципиально в ином ключе. Своеобразие преломления традиционного мотива обусловлено прежде всего утверждением собственно лирического начала в поэзии, переходом с позиций суммарности к индивидуализации, к выявлению личностного, интимного, а через них – общечеловеческого. У Пушкина поэт, безусловно, в русле предшествовавшей традиции,

выступает идеологическим лидером передовой части общества; он – пророк, «высший суд». Но поэт для Пушкина – и частная личность, подвластная цензуре, ищущая своё место. Таковым он предстаёт в лирических строках стихотворений на так называемые «вечные темы» – с их интересом к секретам бытия, человеческого сердца, философского осмысления жизни, тайн природы. И в первом, и во втором случае – в любом произведении Пушкина равновелико присутствует стремление открыть миру свою *душу в заветной лире*.

В белорусской литературе художественные принципы лирического самовыявления личности поэта в максимальном приближении к пушкинской традиции более других реализовал Максим Богданович. В обширном тематическом цикле стихотворений о поэте и поэзии он достиг, пожалуй, уникального раскрытия внутреннего мира лирического героя. Доминирующей в восприятии Богдановичем пушкинского мотива была этическая концепция, проблема духовной жизни человека – во времени и пространстве, в отношениях к добру и злу, прекрасному, драматическому, трагическому. Безусловно, и пушкинская пафосность свободолюбия не менее ярко отражена в произведениях гражданской тематики. Богданович наполняет каждое стихотворение мыслью и чувством, преломляя их через своё внутреннее «я». Он раскрывает, подобно Пушкину, душу в заветных поэтических строках, которые, в итоге, органично складываются в своеобразную лирическую исповедь о жизни и судьбе поэта. Можно сказать, что в стихотворениях и Пушкина и Богдановича, где так или иначе проявляется мотив творчества и творца, обнажается их «биография души».

В рамках интертекстуального анализа стихотворений Пушкина и Богдановича можно определить множество «точек» соприкосновения мотивов, образов, художественно-изобразительных средств, соотнесённых с общей темой «биографии души». Перечислю основные мотивы, обозначая их поэтическими строками, позаимствованными у великого русского поэта: *друг истины, поэт; глаголом жгги сердца людей; пловцам я пел; мы рождены для вдохновенья; божественный глагол; душа, померкнув, охладела; благослови, поэт; но чистая душа перед цензурой права; природы... восторженный свидетель; душа, открытая любви; моя душа – там мир*.

Феномен восприятия пушкинской традиции свободолюбия молодыми белорусскими авторами предопределён во многом идеологическими и политическими обстоятельствами общественной жизни начала XX века. В условиях борьбы за социальную и национальную независимость преимущественный отклик находили гражданские мотивы с их антисамодержавным пафосом, утверждением культа свободы: *Хочу воспеть свободу миру, / На тронах поразить порок*. Не случайно белорусские писатели отмечали в первую очередь пушкинскую «гордость», «сознание человеческого достоинства» (Купала: 1972: 69). В лирике Максима Богдановича публицистическое заострение мотива нашло отражение в цикле стихов «Вольные думы». Здесь Богданович близок к Пушкину во взгляде на проблему «поэт и народ». Поэт имеет право и должен от имени народа говорить правду в глаза власти имущим. Суровую картину народной жизни нарисовал Богданович в стихотворениях «Мои песни», «Наших дедов душили просторы лесов», «Срезают ветви тополя...» и др. Куда бы «ни бросил взор» поэт, повсюду видятся картины, легко узнаваемые по пушкинским строкам – *езде бичи, везде железы; законов гибельный позор; неволи немощные слезы*:

А як родную згадаю старану,
Як згадаю яе беднасць і нуду, –
Сэрца сціснецца, і я пяць пачну...
Грозна песня разліваецца, грыміць,
Долю горкую, мужыцкую кляне,
Бо нявідзімы ланцуг на іх вісіць,
Бо ім цяжка жыць у роднай старане .

В стихотворении «Край мой родной! Как проклятый богом...» картина народного горя чуть ли не пугала, вводила в отчаяние самого поэта:

Кінь толкі вокам да гэтага людз –
Сціснецца сэрца ад болю:
Столькі пабачыш ты гора ўсюды,
Столькі нуды без патолі.

Богданович в заключительных строках стихотворения восклицал: *Браця! Ці зможам грамадскае гора? Браця! Ці хваце нам сілы?* И это уже был не крик страха, отчаяния, отступления – это был призыв подняться на борьбу с социальным злом, которое *сціснула дыханне* у народа.

Стихотворение Богдановича «Слуцкие ткачихи» – бесспорное свидетельство того, что белорусский поэт видел социально-политическую сущность государства как «законов гибельный позор». Пушкинские строки из «Деревни» будто бы предвосхитили саму суть картины, нарисованной затем Богдановичем в «Слуцких ткачихах», где крепостники – частично перефразируя Пушкина, скажем – не видят слёз, не слышат стонов, *без чувства, без закона* присвоили себе... *и труд, и собственность, и время* полонянок, ткавших им золотые пояса. С думой о народе Богданович призывал каждого взглянуть на тех, кого *жыццё заціснула глыбока*, заглянуть в их души – *студні са слязамі*. Эти призывы обозначали всё одну и ту же идейную тенденцию – быть с народом, служить Родине.

Мотив беззаветного служения художника народу соотнесён в лирике Пушкина и с темой декабризма. Янка Купала в свое время заострил на этом внимание: «Вольномыслие Пушкина было не только в стихах и эпиграммах. Его вольномыслие шло в ногу с декабристами» (Купала: 1972: 69). Вершиной декабристской лирики Пушкина, бесспорно, является стихотворение «Арион». Из лирических строк возникает символический образ таинственного певца, слагающего гимны смелым пловцам. Пловцы героически противостоят грозной силе морской стихии: *иные парус напрягали, иные дружно упирали вглубь мощны вёсла...* Но *лоно волн измял с налёту вихорь шумный*. Трагическая гибель и кормщика, и пловцов не прервала свободную песнь поэта: *Я гимны прежние пою*. Пловцы – друзья-декабристы – личности, бесспорно, героические, но не менее возвеличен и образ певца как носителя высших гражданских идеалов. Пушкинское стихотворение оказалось как бы «прототипом» произведения Богдановича «Мы долго плыли в бурном море...»:

Мы доўга плылі ў бурным моры,
І ўраз – жаданая зямля!
Вы пэўны пущь казалі, зоры,
Зарука ў тым – трэск карабля,
Што сеў на скалы ў змрочным моры...
І бестрывожна бачаць зоры,
Як тонуць людзі з карабля.

В аллегорическом сюжете на первом плане – собирательный образ борца, жертвующего жизнью в трагических обстоятельствах. Стихотворение написано между 1909 – 1912 годами, в условиях политической реакции, когда белорусскую литературу принуждали отступить от идеалов свободы и вольномыслия. Героизм, самопожертвование в защиту интересов народа было высшей степенью проявления гражданской позиции литератора. В сонете «Замёрзла ночью быстрая криница» Богданович размышляет о неразрывности поэта с внешним миром, в данном конкретном случае с социальной средой, которая неизбежно втягивает творческую личность в конфликт общественного противостояния. Он символически уподобляет социальную судьбу поэта замёрзшему в зимнюю стужу ручью, внешне, на поверхности – «без движения и следа», но внутри, под слоем снега, бурлящего живой водой и стремящегося «мощным хором волн» в «свободный мир пробиться»:

Прыклаў я гэты сімвал да сябе,
Схіліўшыся ў надсільнай барацьбе,
І разгадаў прыроды роднай словы.
Як – прамаўчу, бо кожны з вас – паэт
Рассейце ж самі лёгкі змрок прамовы,
Сваёй душы туды пралліце свет!

Высокое предназначение поэта – *глаголом жечь сердца людей* – преображало лирического героя в личность неординарную, исключительную, свободную, каковой она предстаёт в строках пушкинских стихотворений «Поэт», «Пророк», «Поэту», «Поэт и толпа». Творческое кредо Пушкина ярко выражено в призыве:

... Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Личность, представленная Пушкиным в названных стихотворениях, – романтически-возвышенная, мощная, страстная. Образ поэта в данном случае более символичен, чем реален; он – пророк, он – «высший суд». О лирическом герое Богдановича этого не скажешь. Он раскрывается в сфере конкретно-реальных мыслей и переживаний, а не возвышенных страстей:

Жывеш не вечна, чалавек,
Перажыві ж у момант век!
Каб хвалявалася жыццё,
Каб больш разгону ў ім было,
Каб цераз край душы чуццё
Не раз, не два пайшло.
Жыві і цэльнасці шукай,
Аб шыраце духоўнай дбай...
І ў напружэнні паўнаты
Свайго шырокага жыцця
Без болю, ціха зайдзеш ты
Ў краіну забыцця.

Не требуя наград за подвиг благородный, Богданович вместе с тем предъявляет высочайшие требования к поэтическому труду, осуждая тех, кто «даёт людям» только «излишки», и приветствуя истинных творцов, поющих *з надтреснутым сэрцам*, отдающих людям *апошні свой скарб*.

В непосредственном соприкосновении с художественным мышлением Пушкина воспринимается обращение Богдановича к мотивам исконно поэтическим: литературного таланта, творческого вдохновения, «божественного глагола». *Мы рождены для вдохновенья*, – восклицал Пушкин; друзья писатели для него – *издревле сладостный союз, родня по вдохновенью*. С каким волнением и трепетом он описывает момент творческого подъёма:

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут...

А как томительны минуты ожидания капризной музыки:

Беру перо, сию; насильно вырываю
У музыки дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдёт... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной...
Стих вяло тянется, холодный и туманный...

Разумеется, в этих строках слышится иронический подтекст, язвительное подтрунивание над своей якобы «беспомощностью». В обоих фрагментах Пушкин декларирует требования к технике стиха – ритмической динамике, эвфонической изысканности, совершенной рифме – таким образом, чтобы *послушные слова в размеры стройные стекались и звонкой рифмой замыкались*. Только в отрывке из «Осени» эти требования указаны напрямую, а в строках из стихотворения «Зима, что делать нам в деревне...» – в инверсионной интерпретации. Главный же смысл пушкинских стихов о поэтическом вдохновении – творческий процесс должен *изливаться свободным проявлением*.

Талант поэта – это *дар небес благословенный*. Приняв этот дар, будь достойным своего предназначения: раскрыть тайну *божественного глагола* – поэтического слова. Максим Богданович обладал этим даром в высшей степени. Вдохновенно звучало слово поэта, когда он говорил о своей творческой музе в стихотворении «Песняру»:

Трэба з сталі каваць, гартаваць гібкі верш,
Абрабіць яго трэба з цяпеннем.
Як ударыш ты ім, – ён, як звон, зазвініць,
Брызнуць іскры з халодных каменяў.

Богданович сравнивает творческий процесс с обработкой, огранкой камня, превращающего его талантливыми руками мастера в сверкающую драгоценность. Образное сравнение художественного произведения с драгоценным камнем (sic: перл создания) в поэзии довольно традиционно, что позволяет отнести его к разряду так называемых поэтических универсалий. Использовал этот образ и Пушкин:

Кристалл, поэтом обновленный,
Укрась мой милый уголок,

Залог поэзии священной,
И дружбы сладостный залог.
В тебе таится жар целебный...

Богданович, развивая мотив «перла создания», обыгрывал богатую образность поэтического тропа не только в стихотворении «Певцу», но и «Тихие мои все песни...», «Когда в раковину тёмную жемчужницы...». Каждое из них раскрывает по-разному тему творчества. Богданович философски размышляет о непреходящей ценности истинного искусства:

Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны,
Але ўсё ж яны засвецяць, калі я ў агні мучэння
Іх разжару, распалю;
А як згасне ён – дык бліснуць, быццам дзяментаў зёрны,
Бо абярнуцца, застыўшы, у драгацэнныя каменні
Ў час, як лягу я ў зямлю.

В другом стихотворении поэт наблюдает в природе чудесные превращения натурально-утилитарного в эстетически-прекрасное, как, например, рождение из песчинки жемчужины:

Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы
Ўпадзе пясчынка хоць адна, –
Жомчугам патроху робіцца яна!
Калі ў дух мой западзе і заварушыцца
Там кавалак грубага жыцця, –
У жомчуг звернецца ён сілай пачуцця!

Подобно чудесной метаморфозе, сотворённой природой, в творчестве грубо-низменное явление может возвышенным порывом души поэта трансформироваться в перл художественного создания.

Обратим внимание на одну из существенных лексических особенностей поэтики как Пушкина, так и Богдановича: слова «душа», «дух» встречаются чуть ли не в каждом стихотворении о поэте и поэзии. И это лишний раз даёт повод убедиться в том, что в анализируемом цикле стихов отражается «биография души» их создателей.

Душа поэта стремится к «свободному проявлению» творчества, полёту творческой мысли, как у Пушкина:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.

Трансформацию мотива наблюдаем и у Богдановича, в частности, в триолете «Моя душа», где сразу обращает на себя внимание поэтический аналог – сравнение души со свободным полётом птицы:

Мая душа, як ястраб дзікі,
Што рвецца ў неба на прастор,
Вартуе вольных птушак крыкі, –
Мая душа, як ястраб дзікі.
Учуўшы іх, страсе вялікі

Свой сон, шыбне ды вышай гор, –
 Мая душа, як ястраб дзікі,
 Што рвецца ў неба на прастор!

Душа поэта, *стеснённая лирическим волненьем, огнём палимая*, трепещущая и волнуемая от переполняющего её чувства творческого вдохновения, – душа эта вдруг, «померкнув», остывает. В лирической исповеди и Пушкина и Богдановича нередко грустные, пессимистические настроения, мотивы безверия, сомнения, душевной тоски, то ли от неприятия «толпы», то ли от утраченного чувства дружбы и любви, то ли от предчувствия близкой смерти... У Пушкина каждое подобное настроение зависит от момента раскрытия лирического «я». Поэт болезненно переживал отчуждённость от светского общества:

О вы, которые любили...
 Спасите труд небрежный мой...
 От рук Невежества слепого
 И взоров Зависти косой.

Какое дело свету? Я всем чуждой, – восклицал обречённо Пушкин. Отсюда – скептические рассуждения о напрасности таланта, никчемности творчества, и вообще – бессмысленности жизни:

Дар напрасный, дар случайный,
 Жизнь, зачем ты мне дана?...
 Иль зачем судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?
 Кто меня враждебной властью
 Из ничтожества воззвал,
 Душу мне наполнил страстью,
 Ум сомненьем взволновал?..
 Цели нет передо мною:
 Сердце пусто, празден ум,
 И томит меня тоскою
 Однозвучный жизни шум.

Подобные мысли тревожили и белорусского поэта. Стихотворение «Была некогда пора...» тематически перекликается с «Даром напрасным», а первая строка произвольно вызывает подспудные ассоциации с пушкинским «Была пора...»:

Была калісь пара: гучэла завіруха
 І замяла маёй мінуўшчыны сляды.
 Уціхла ўжо яна... Плывуць удаль гады,
 А ўсё не б'юцца скрыдлы духа:
 Куды цяпер ісці? Куды?
 У душы гарыць агонь нуды, – пануры, чорны.
 Ці мне крыніцай слёз сваіх яго заліць
 І плугам цяжкага мучэння сэрца ўзрыць? –
 Мо ўзойдуць там надзеі зёрны!..
 Куды ж ісці і што рабіць?

Драматизм лирики Максима Богдановича – собственно порождение его жизненной судьбы, трагедии молодого поэта, умирающего на чужбине от неизлечимой болезни. Он – «больной, бескрылый поэт», беспрестанно думающий *у багатай*

чужыне аб беднай далёкай сваёй старане («На чужбине»). Он просит кукушку не дарить ему напрасно годы жизни: боль в груди говорит об ином: *душу агартае, думцы голас падае,...* *што нядоўга пражыву я, што загіну без пары* («Не кукуй ты, серая кукушка»). Душа, надорванная болезнью, переживает:

Ой, чаму я стаў паэтам
У нашай беднай старане?
Грудзі ныюць, цела вяне,
А спачыць не можна мне:
Думкі з розуму ліюцца,
Пачуццё з душы бяжыць...
Мо за імі кроў палыне,
І тады ўжо досі жыць!

И всё же лирика Богдановича, хотя и рождённая в «больной груди», более исполнена жизнелюбности, оптимизма; печаль его была по-пушкински *светла*, и жизнь по-пушкински воспринималась как гармоническое и органическое целое.

Обратимся ещё раз к теме творческого процесса, сравниваемого обоими поэтами с ювелирным трудом, в рамках которой возникает актуальный вопрос об искусстве и ремесле. Пушкин воспевал высокое искусство, талант мастера, а не упорный труд подмастерья. Ярчайшее тому доказательство – его трагедия «Моцарт и Сальери». Обратиться в данном случае не к лирике, а к произведению драматургии есть особые основания: прямой литературный контакт Богдановича с Пушкиным, открытая полемика с русским писателем в стихотворном «Письме...», где Богданович выступает оппонентом Пушкина:

Аб драмах Пушкіна кажу я ў ім. Не Мэры,
Не цар Барыс, а Моцарт і Сальеры
Варушаць мозаг мой. Здаецца мне, што тут
Сальеры атрымаў несправядлівы суд.

Богданович, размышляя о творчестве Сальери, убеждался, что оно по-своему талантливо. Основа его – спокойная мысль, которая не мешает вдохновению. Труд не может убить творческий дар. Только талант таланту рознь. Сальери сравнивается со *знічкай* (бел: падающей звездой; сіс: польск. *znicz*), которая

...У іскрах над зямлёй
... Уразае змрок лукою залатой,
Гарыць, бліскучая, уся ў агні нясецца,
А ў глыбіні сваёй халоднай астаецца...

Что же здесь мешает не наблюдать красоту? А кропотливым трудом Сальери себя развивал, поэтому не позволил таланту быть зарытым в землю. В судный день он может спокойно смотреть своей Музе в глаза и будет за способности свои оправдан собственной душой. Итог размышлений у Богдановича следующий:

Таксама робіш ты, дума, і ў паэта
Краснейшым кожны твор. Прывет табе за гэта!
Прывет мой і табе, штодзённы рупны труд, –
Гартуеш радасць ты ад творчаскіх мінут...

Не только в стихотворном «Письме...», но и в прозаическом «Рассказе об иконнике и золотаре...» Богданович затронул проблему художественного ремесла. Он показал важность в творческом процессе кропотливого труда, без которого не-

возможно рождение прекрасных форм; он защищал не шаблон или механический повтор, а необходимость новаторства, понимания того, что искусство обновляется только в поиске, в движении, в спорах вокруг проблем его истинности и сущности.

В лирических произведениях Пушкина и Богдановича выявляется общность взглядов на проблему традиции, преемственности, творческой учёбы у великих поэтов-предшественников. Для молодого Пушкина благословение патриарха русского Парнаса стало предопределяющим знаком в его творческой судьбе. С благоговением он благодарил во вдохновенных поэтических строках своих литературных учителей, *творцов бессмертных*: М. Ломоносова, Г. Державина, Николая Карамзина, Ивана Дмитриева, Василия Жуковского, называя себя их *питомцем*. Пушкин талантливо «перенимал» темы, мотивы, образы не только русской поэзии, но и литератур разных стран и разных времён, начиная с античности, поражая широтой своих творческих интересов, умением переносится в любую сферу инонародной жизни.

Богданович был близок Пушкину в увлечении античностью, традициями Возрождения. Белорусский поэт главной эстетической задачей ставил расширение тем и форм родной литературы, ориентацию её на безупречную артистичность. В стихотворении «Терцины» Богданович чётко определил свою позицию в отношении к проблеме творческой преемственности:

Ёсць чары ў забытым, старадаўным;
Прыемна нам сталеццаў пыл страхнуць
І жыць мінулым – гэтакім мудрым, слаўным, –
Мы любім час далёкі ўспамянуць.
Мы сквапна цянемся к старым паэтам,
Каб хоць душой у прошлым патануць.
Таму вярнуўся я к рандо, санетам,
І бліснуў ярка верш пануры мой:
Як месяц зіхаціць адбітым светам, –
Так вершы ззяюць даўняю красой!

Подобно тому, как в своё время школой мастерства Пушкина стала античная классика, в белорусской поэзии на общеевропейские традиции впервые, широко и целиком сознательно опирался Богданович. Отсюда – очевидный параллелизм отношений обоих поэтов к античности, Возрождению как источникам идей, тем, форм; отсюда – интенсивное использование поэтами образов греческой и римской мифологии, наличие у обоих анакреонтических мотивов в лирике, обращений к Горацию, к его «Памятнику», к поэтизации образа Мадонны. Анакреонтика – одна из замечательных страниц пушкинской лирики. Богданович использовал традицию в цикле стихов «Эрос», а затем обозначил свои симпатии к древнегреческому певцу в лирическом признании:

Бледны, хілы, усё ж люблю я
Твой і мудры і кіпучы верш, Анакрэон!
Ён у жылах кроў хвалюе,
У ім жыццё струёю плешча, вее хмелем ён.
Верш такі – як дар прыроды,
Вінаграднае, густое, цёмнае віно:
Дні ідуць, праходзяць годы, –
А ўсё крапчэй, хмяльнее робіцца яно.

Пушкин в своё время восторженно восклицал: *Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!* За Овидием «следовал» и Богданович, переводя на белорусский язык фрагменты из «Метаморфоз». Зазвучал по-белорусски асклепиадовым стихом знаменитый «Памятник» Горация:

Лепшы медзі сабе памятник справіў я,
 Болей ўсіх пірамід царскіх падняўся ён;
 Не зруйнуе яго сівер, ні едкі дождж,
 Ні гадоў чарада, вечнага часу рух.
 Не саўсім я памру, лепшая часць мяне
 Не зазнае хаўтур; слава мая ўвесь час
 Між патомкаў расці будзе...

Разную идейно-эстетическую роль играло использование общеевропейских традиций у Пушкина и Богдановича, на разных ступенях развития национальных литератур поэты к ним обращались, но само обращение диктовалось единственным – поднять родные литературы до уровня высокоразвитых, соединить всё лучшее, выработанное в своём эстетическом развитии человечеством, с национальными традициями.

Релевантной в раскрытии Пушкиным темы «биографии души» была идея свободного искусства. Он вдохновенно призывал *дорогою свободной* идти, куда влечёт *свободный ум*. Однако мечта о творческой свободе была отвергнута «непоэтической» действительностью – политическим строем, в котором задыхался от социальной обиды поэт. Пушкин болезненно реагировал на цензурные «оковы», пленницей которых оказывалась поэзия. *Цензура – вот кому подвластна ты была*, – горько сетовал он. В «Посланиях к цензору» Пушкин размышляет обо всех гранях дозволенного и недозволенного в связи с ограничительными правами по отношению к художнику и его творчеству. Цензор изображён в двух ипостасях – как реальный чиновник-бюрократ и как идеально-честный слуга отечества. Реальный цензор для писателя – *угрюмый сторож Муз, гонитель давний*. Этим *глупым и трусливым* чиновником поэт *последних жалких прав без милости лишён, со всею братией гонимый совокупно*. Ненавистный цензор заслуживает презрения в своём услужливом властям рвении:

Не понимая нас, марашь и дерёшь;
 Ты чёрным белое по прихоти зовёшь,
 Сатиру пасквилом, поэзию развратом,
 Глас правды мятежом...

Конечно же, идеальный цензор, назначения которого с нетерпением ждут служители муз, наделяется самыми лестными характеристиками. Он – *друг чести, друг народа; закону преданный, отечество любя, принять ответственность умеет на себя, полезной истине пути не заграждает, живой поэзии резвиться не мешает*.

Что удивительно, иронический Пушкин пишет об утопическом цензоре без малейшего оттенка иронии. Ожидаемое назначение высочайшей властью *министра честного для поэта было, очевидно, весьма значимым. Нотки издёвки зазвучат в финальных строках «Посланий», когда поэт «обречённо» поймёт, что «не может быть того, чего не может быть никогда». И тогда Пушкин выскажет свой презрительный приговор цензуре: их (поэтов – А.Ш.) мыслей не теснит цензурная*

расправа, и чистая душа перед цензурой права, а рукописи их, не погибая в Лете, без подписи твоей разгуливают в свете.

Тема цензуры для Богдановича оказалась менее актуальна, чем для Пушкина. Белорусский поэт смог опубликовать только один сборник стихов «Венок», и то почти в конце своей жизни. Типологически близким пушкинскому образу цензора у Богдановича был критик. Два стихотворения посвятил он ироническому разоблачению несправедливости критики – маленькое четверостишие и триолет. Оба – под заглавием «Критику». В обоих – тема раскрывается в иносказательной форме через поэтически эффектную сравнительную тропику. В четверостишии критик сопоставляется с незадачливым энтомологом, непрофессионализм которого мешает увидеть истинную красоту бабочки. Второе стихотворение написано в оправдание неприметной красоты триолета:

Чэліні статуй не рабіў,
А толькі статуэткі, –
Аднак артыста шчыры быў.
Чэліні статуй не рабіў, –
Ці чуеш, крытык едкі?
Дарма ты трыялет ганьбіў:
Чэліні статуй не рабіў,
А толькі статуэткі.

«Строгим критиком» для Богдановича оказалась так называемая «верхняя палата» газеты «Наша нива», куда он решил отправить свои произведения. «Несколько листиков» поэта из Ярославля были восприняты сотрудниками «Нашей нивы» как стихи не для народа. Известно из воспоминаний современников, что Янка Купала единственный из всего редакционного коллектива интуитивно ощутил в «первых поэтических опытах Максима Богдановича настоящего художника». Однако стихи опубликованы не были. Только в 1909 году благодаря Сергею Полуяну «листки» Богдановича были извлечены из архива. Полуян «с присущей ему «кипучей энергией... стал защищать их... перед верхней палатой» (Чиквин: 2004: 11). Так стихотворения Богдановича пошли в печать и стали появляться чуть ли не в каждом номере «Нашей нивы».

Лирическое самовыявление личности поэта ярко воплотилось в пейзажной и интимной лирике Максима Богдановича. Поэтическое открытие природы через восприятие её лирическим героем, духовное единение с окружающим миром стало ярким художественным достижением молодого белорусского автора. Восхищение красками и звуками природы, стремление слиться с их гармонией у Богдановича – от Пушкина. И для Пушкина, и для Богдановича природа – волшебное царство, поэтому и её картины своей тональностью, художественно-изобразительными средствами, оригинальностью осмысления прекрасного у обоих поэтов сопредельны.

Вместе с тем, на наш взгляд, у Богдановича самовыявление лирического «я» в пейзажных стихотворениях – именно в соприкосновении с мотивом творческого раскрытия личности – реализовано более продуктивно, чем у Пушкина. Хотя эпиграфом к этой мотивной рубрике хочется всё-таки взять строку из Пушкина:

Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал...
Вновь лиры сладостной раздался голос юный...

Природа воспринималась Пушкиным как неисчерпаемый источник творческого вдохновения. В гармонии его соперником были шум лесов, вихорь буйный, иволги напев живой, моря гул глухой, шёпот речки тихоструйной. В моменты поэтических раздумий Пушкин соотносил внутреннее состояние души лирического героя с внешними природными приметами или явлениями. В стихотворении «Я пережил свои желанья» опустошённая душа, плод сердечной пустоты сравнивается с обнажённым на ветке запоздалым листом в холодную осеннюю непогоду. Замечателен поэтический образ эха, безответно внимающего голосам природы, подобно поэту, не находящему отклика в холодной душе светской элиты:

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских петухов –
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Любопытно отметить, что в белорусской поэзии на прямую тематическую и идейную переключку с пушкинским стихотворением «Эхо» пошёл Якуб Колас, автор одноимённого лирического произведения. Максим Богданович колоритный образ эха не использовал. Но в целом интенсивность включения пейзажа в гражданские («Срезают ветви тополя...», «Довольно уже работы», сонет «Между песков Египетской земли» и мн. др.), интимные («Звезда Венера», «Я хотел бы встретиться с Вами на улице в тёплую летнюю ночь», «Молодые года» и др.), философские («Мне снилось», «Вот и ночь...», «Давно уже телом я болею...» и др.) стихотворения у Богдановича беспрецедентна.

Пейзажная лирика обнажает субъективные переживания поэта, то радующегося красоте природы (*І хістаецца асока, І шуміць высокі бор, /А ў душы не замаўкае /Струн вясёлых перабор*), то грустно созерцающего многоцветие и вслушиваясь в многоголосие этого вечного, прекрасного мира, душой и мыслью переживая скоротечность земной жизни (*На цёмнай гладзі сонных луж балота.../ Смуроднай жыжэскаю ўздавала /Цвятоў расістых чыстую красу. / Маліся ж, каб з літоўнасці стрымала / Тут смерць сваю нязвонкую касу*). «Душа надорванная», измученная смертельной болезнью оставалась всегда открытой красоте. Почти все стихи Богдановича о природе являются выражением сердцевинного в мировосприятии художника: по-пушкински многокрасочном, органичном, гармоничном.

Пейзаж у Богдановича тем или иным образом всегда соотнесён с личностным восприятием природы. Поэт подчёркнуто субъективно живописует не столько предметы и явления реального мира, сколько чувства и переживания лирического «я». Душа рвётся на простор, в пространство раздольных полей, обширных лесов, бурных вод разлившихся рек:

Праясняецца пагода,
Бо вярнулася вясна.
Усё чакаеш, што прырода
Ўстрахнецца ада сна...
Зазвіняць жалобна крыгі,
І бурлівая вада
Снег, размоклі ў час адлігі,
Змые з луга без сляда.

Дык разлійся жа раздольна
 Ё чыстым полі і гаю
 І красой паводкі вольнай
 Душу выпрастай маю!

Шедевром пейзажной лирики Богдановича с полным на то основанием признано стихотворение «Теплый вечер, тихий ветер, свежий стог», в котором вдохновенно опозитизировано гармоническое единение личности с «зачарованным царством» природы:

Цёплы вечар, ціхі вецер, свежы стог,
 Улажылі спаць мяне вы на зямлі.
 Не курыцца светлы пыл усцяж дарог,
 У небе месяца праглянуў бледны рог,
 У небе ціха зоркі расцвілі.
 Знічка коціцца агністаю слязою,
 Прашумела мякка скрыдламі сава;
 Бачу я, з прыродай зліўшыся душой,
 Як дрыжаць ад ветра зоркі нада мной,
 Чую ў цішы, як расце трава.

Восприятие природы лирическим героем в стихотворении – целостное: он разом впитывает в себя и тепло летнего вечера, переходящего в ночь, и запах сена, и тишину ветра, и красоту звёздного неба. Поэт проникновенно описывает психологическое состояние *с природой слившегося душой*, растворившегося в ней лирического субъекта.

Не только пейзажная, но и интимная лирика отражает субъективные переживания поэта, «биографию» души. У Пушкина Любовь и Муза всегда рядом – ликует ли он, поражённый стрелами Амура, рефлектирует ли по поводу утраченной любви, воспекает ли *чистойшей прелести чистойший образец*, свою Мадонну – везде душа поэта открыта великому чувству любви.

У Богдановича интимное переживание раскрывается не так откровенно. Его любовные стихотворения мало в чём напоминают пушкинские, будучи самобытными образами, развитием темы, но дыхание пушкинской поэзии слышится и в них.

Любовь для молодого поэта – прекрасная мечта, которая вряд ли осуществится, потому что не суждено ей родиться в «больной груди». Мечта эта воплотилась в лирических строках цикла стихотворений, посвящённых Ане, в «выдумке его головы» Веронике, в его Мадонне – безымянной девушке-крестьянке, сочетавшей в себе «двойной красы облик единый...». По-пушкински его душа кипела и замирала от любви в стихах из цикла «Эрос»:

Зірнуў, як між валос, між хмар калматых, цёмных
 Чырвоны маладзік.
 І ўраз згадаў мне рад уздыхаў прыглушаных,
 І мук любоўных крык,
 І цела гібкага шалёнасць, ізвіванне,
 І п'яны, душны пах...

 У грудзях спіскаецца гарачае дыханне,
 Кроў хваляй б'е ў нагах

Пушкинской *светлой* печалью исполнены самые интимные исповеди лирического героя. Драматизм чувства в одном из последних стихотворений Богдановича выплеснут не только в пронзающих душу словах, но и в чеканном ритме прощальной мелодии реквиема:

Муар
Двума колерамі
Пераліваецца.
І бачна ўсім,
Дзе пачынаецца і дзе канчаецца каторы;
А ўсё ж такі мяжу між імі
Чартою цвёрдай
Не правесці.
У сэрцы боль:
Ніколі
З душою Вашай так і не сальцеца
Мая душа.
Канец.

Душа Богдановича-поэта слилась с любовью тех, кому он посвятил свою лиру. А памятник, не такой грандиозный, как у Пушкина, но он воздвиг себе тоже:

У краіне светлай, дзе я ўміраю,
У белым доме ля сіняй бухты,
Я не самотны, я кнігу маю
З друкарні пана Марціна Кухты.

«Памятником» Максима Богдановича стало скромное четверостишие. Этим последним стихотворением – как бы на последнем поэтическом вздохе – Богданович завершил свою «биографию души» как истинный поэт. Край чёрной смерти назвал он светлым, дом, в котором умирал – белым, бухту, у которой простился с жизнью – синей, а самым большим сокровищем – единственную книгу стихов «Венок».

«Венок» Богдановича «повернул» развитие белорусской поэзии в сторону пушкинской артистичности, гармоничности, художественной образности. Эта поэтическая «триада» венчала творческий путь единения Богдановича с лирой великого Пушкина. Этим закладывался фундамент классических основ белорусской поэзии, предопределялись те национальные традиции, которые в белорусской литературе будут утверждены как богдановичевские.

Использованная литература

- Купала, Я. (1972): Публіцыстыка. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук.
Чыквін, Я. (2004): Два шляхі развіцця беларускай паэзіі (Максім Багдановіч і Янка Купала). W: Studia Wschodniosłowiańskie 4. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, s. 9–29.